

Художник-график Юрий ЯКОВЕНКО: «Каждые пять-десять лет провожаю зачистки своих работ»

Источник:

Антонова, А. Художник-график Юрий Яковенко: "Каждые пять-десять лет провожаю зачистки своих работ" / А. Антонова // Гродзенская праўда. - 2013. - 7 авг. (№89). - С. 4-5.

О таланте и признании сегодняшнего героя рубрики «Персона» художника-графика Юрия Яковенко красноречивее любых слов говорят награды. Мастер офорта одержал свыше 25 побед на различных международных и республиканских конкурсах. В числе последних достижений - Гран-при II Международного биенале графики JOSEP de RIBERA в Хавите (Испания). Персональные выставки художника проходили в Испании, Литве, Нидерландах, Бельгии, Польше, Швеции, на Кипре. Его гравюры хранятся в Национальном художественном музее Беларуси, муниципальных музеях и галереях Нью-Йорка, Торонто, Стокгольма и других городов, частных коллекциях.

По дням у Юрия Яковенко расписан не только нынешний, но и будущий год. Вместе с тем, он находит время на встречи с журналистами. И, к слову, при общении немало удивляет своей открытостью.

ИЗ ПРИМОРЬЯ В ГРОДНО

- Юрий Владимирович, в интернете не так уж легко найти информацию как о ваших работах, так и о Вас лично. Но на одной из страниц прочитала, что родились в Приморье. Это действительно так?

- Действительно. Родители были молодыми, искали романтики и нашли ее на Дальнем Востоке (улыбается). Сейчас не скажу, кем они там работали после окончания техникумов, но точно знаю, что жили в вагоне поезда. В нем на семью приходилось по два купе. Так что первый год моей жизни прошел под стук колес.

- Как скоро эти колеса привезли вашу семью на белорусскую землю?

- Буквально на следующий год после моего рождения. У мамы одна сестра жила в Риге, вторая - в Гродно. Приехали летом навестить их и решили в Приморье больше не возвращаться. Пока ладили переезд, меня отправили в «ссылку» к одной из бабушек в Курск. Но уже лет с трех я отчетливо помню себя в Гродно. Некоторое время квартировали у маминой сестры, в общежитии, а потом довольно быстро получили собственную жилплощадь от домостроительного комбината. Сложно поверить, но 40 лет назад заселялись на окраину города: школы №19, 20, нечетная сторона улицы Поповича строились на моих глазах.

- *Детство было ярким?*

- Обыденным дворовым. Рогатки, самострелы, футбол, хоккей, фруктовые деревья - вот, пожалуй, и все, что входило в круг моих интересов. Хотя нет, еще любил рисовать в детском саду. Помню, как в канун прихода какой-нибудь комиссии воспитатели усаживали меня за стол со словами: «Умеешь рисовать - рисуй». А после выдавали мои «творения» за коллективное детское творчество.

- *Что-то из тех работ сохранилось?*

- Что вы, нет! У меня вообще нет привычки долго хранить свои труды. По истечении времени они становятся беспомощными и наивными. К примеру, делаешь что-то и восхищаешься: «Здорово!», а через пять-десять лет бросаешь взгляд и вздыхаешь: «Ну и ну!». Считаю, что должно оставаться только самое лучшее и постоянно провожу зачистки.

- *Вы для себя первый критик?*

- И первый, и последний. Вердикт всегда выношу только сам.

С МЯЧОМ И КИСТЬЮ

- *Чаще всего, характеризуя ваши работы, журналисты пишут «загадочные», «сюрреалистичные», «фантазийные». Предположу, что в детстве далеко в мечтах улетали...*

- Не дальше, чем другие мальчишки. Хотя был в квартире объект, будоражащий фантазию, точнее даже два объекта - финиковая пальма и лимонное дерево. Первое посадила мама, второе - отец. Деревья росли рядом в огромных кадках и причудливо переплетались ветвями. Кого я сквозь них ночью не видел! И нечистую силу, и пришельцев с других планет... Приходилось с головой прятаться под одеяло, чтобы защититься от них.

- *А кем видели себя в будущем?*

- Проще сказать, кем не видел. Успевал и футболом заниматься (в те годы организовали спортивную школу при клубе «Химик» и я вошел в первый набор), и на рисование во Дворец химиков подпольно бегать. Тренерам не нравилось, что я пропускал тренировки из-за занятий творчеством.

- *Выходит, Вы подавали серьезные спортивные надежды?*

- Скажем так, у меня неплохо получалось играть в футбол. Особым же счастьем было на матчах подавать мячи профессиональным игрокам и во время перерыва демонстрировать свои навыки на поле. В те минуты казалось, что на меня с восхищением смотрит весь стадион. Сегодня, должно быть, схожие эмоции испытывает сын Арсений. Он тоже занимается

футболом. Пока не загадываю, станет для него увлечение профессией или нет. Но буду рад, если занятия спортом закалят характер.

- Когда же в Вас тяга к рисованию взяла верх?

- Классе в третьем-четвертом. В то время весь Советский Союз пристально следил за хоккейными баталиями. Я завел себе общую тетрадь, на каждой странице которой рисовал Михайлова, Петрова, Харламова, Халла, Хоу. А еще очень любил наблюдать за художниками, которые располагались недалеко от нового моста с мольбертами и часами писали неманский изгиб. Подражая им, я брал мешковину, натягивал на подрамник и никак не мог понять, отчего гуашь теряет цвет на холсте. Не знал, что ткань нужно грунтовать, накладывать белый фон. Этому научился, когда прошел отбор в Минскую школу-интернат имени Ахремчика. Учился там с пятого по одиннадцатый класс.

ТОЛКОВЫЙ СТУДЕНТ

- Не каждый ребенок отважится так рано уехать от родителей. Самостоятельность - одна из черт характера?

- Не скажу, что я ее специально вырабатывал, хотя от чрезмерного контроля всегда старался уходить. С первого класса, к примеру, любил пионерские лагеря. Летом обязательно проводил в них две смены, а после десятого класса даже умудрился художником в «Бригантине» поработать. По большому счету, школа-интернат имени Ахремчика была для меня огромным пионерским лагерем. С той лишь разницей, что я получил в ней отличные знания и навыки, благодаря которым с первой попытки поступил в Белорусскую государственную академию искусств.

- Студенческие годы были золотыми?

- Были. Если бы можно было открутить время назад, я бы с удовольствием еще раз поучился. Правда, не стал бы ходить на все лекции. В жизни все быстро меняется... К слову, и мне довелось учиться в вузе во время больших перемен. Сначала грянула перестройка, за ней пришел распад СССР. Помню, как с однокурсниками забирались на высокие тополя, обматывали их ветки проволокой, чтобы поймать хоть какую-то радиоволну, ведь по телевизору только «Лебединое озеро» показывали. Вслушивались в новости и боялись, что придет конец забрезжившей свободе. В стране только начала появляться литература о зарубежных художниках. В школе-интернате репродукции Дали смотрели в подвале за закрытыми дверями. И вдруг можно Матиса не прятать, о Пикассо открыто говорить, восхищаться Ван Гогом.

- Преподаватели разделяли ваши устремления?

- Конечно. Мне посчастливилось учиться у интереснейших людей - Владимира Самойловича Басалыги, Владимира Петровича Савича, Валентины Михайловны Свентоховской. Это были в буквальном смысле «звезды» советского периода. Они светили очень ярко, потому что отношение к графике было иное. Оформлялись книги, рисовались плакаты, открывались выставки художников-графиков.

- Популярность графики сыграла роль при выборе профессии?

Нет. Просто ощущения того, что я живописец, никогда не было. Еще в школе-интернате получал хорошие баллы по рисунку, композиции и средние - по живописи. Не было у меня чувства цвета. А вот черно-белые изображения давались легко, мог целый ватман точками уработать. Были, правда, преподаватели, которые не верили в меня, шутили: «Друг, езжай ты домой и наволочки вышивай» Но большинство поддерживало. Так, я был одним из немногих, кому посчастливилось после третьего курса на два месяца попасть во Всесоюзный дом творчества и отдыха художников «Сенеж» под Москвой. Кафедра графики поспособствовала. А Владимир Самойлович Басалыга, когда вручали дипломы, долго переживал, что не может помочь закрепиться в Минске и наставлял: «С первого дня занимайся творчеством. Не растрчивай себя на случайные заработки. Из тебя будет толк».

«МЕСЯЦ» И 20 ЛЕТ

- Знаю, что после вуза еще полтора года работали на «Беларусьфильме», сняли анимационный фильм «Месяц», который завоевал награды на международных фестивалях. Почему же решили вернуться в Гродно?

- Так сложились обстоятельства. У меня не было столичной прописки, ее оформление обошлось бы «Беларусьфильму» в 600 тысяч рублей. По тем временам это были немыслимые деньги, если учесть, что бюджет студии на год составлял 10 миллионов рублей. Идти на хитрости, жениться ради закрепления мне не хотелось. Поэтому однажды позвонил папе и попросил отправить за мной машину. Пока ехал в Гродно, убедил себя в том, что и в провинции можно многого добиться, если захотеть.

- Как встретил родной город?

- Тепло. Здесь уже работали Валентина Шоба и Владимир Пантелеев. Они, кстати, задолго до переезда стали агитировать: «Оставляй Минск, перебирайся домой. В одной из башен есть мастерская, на улице стоит офортный станок». Я все отмахивался: «Ребята, не храните, отдайте кому-нибудь другому». Но не отдавали, видимо, интуитивно чувствовали, что вернусь. По приезде в Гродно я буквально за несколько дней заселился в мастерскую. Все здесь вымыл, вычистил и начал заново зарастать пылью (смеется).

- Гродненцы скоро узнали графика Юрия Яковенко?

– Довольно скоро. После Минска остались неоконченные работы, поэтому я сразу включился в процесс. Доделал их, выставил на продажу в магазине «Плакат» – нынешняя галерея «У майстра» – и, надо сказать, гравюры быстро нашли почитателей. Я хорошо зарабатывал для начинающего художника, на жизнь хватало. К слову, некоторые из первых гродненских покупателей до сих пор следят за моим творчеством и приобретают новые работы.

– Уверена, за двадцать лет представилась не одна возможность уехать из Гродно.

– Сначала академик Георгий Поплавский настаивал, чтобы я перебрался в столичные творческие академические мастерские живописи, графики и скульптуры, где он возглавлял графическую мастерскую. Даже готов был вопрос с жильем решить, но я не захотел срываться в Минск. Позже стал получать приглашения от иностранных коллег переехать, к примеру, в Голландию или Испанию. Но зачем мне это? Только на первый взгляд кажется, что за границей все хорошо. А кладешь перед собой калькулятор, начинаешь считать, во сколько обойдутся съемные жилье, мастерская, обучение детей, питание, и иллюзии отпадают. За границей мне нужно будет в два раза больше работать, чтобы обеспечить уровень жизни, аналогичный белорусскому.

НАДЕЖНЫЙ ПАРТНЕР

– Юрий Владимирович, Вы – победитель различных международных конкурсов, ваши работы входят в коллекции иностранных музеев. Легко ли белорусскому имени зазвучать за рубежом?

– Нужно понимать, что там совершенно иная система. В Европе творчество давно стало бизнесом, хорошо отлаженным механизмом, приносящим доход. Если попасть в эти шестеренки и маховики неудачно, можно и палец, и голову потерять. Поэтому при освоении зарубежного рынка, во-первых, важно не спешить. Во-вторых, постоянно расширять круг знакомых. На Западе сложно пробиться без помощников – агентов, спонсоров, комиссаров, организующих проекты. А в-третьих, быть надежным партнером. Привез не все работы, не вовремя их выставил, оказался не в том состоянии – репутацию потерял.

– *Отговорка, дескать, я – натура творческая – не пройдет?*

– Нет, ты должен все успевать и обязательно помнить, что за спиной стоят сотни таких же, как ты, а может и еще более талантливых, но пока им не выпал шанс.

– *При всей практичности западных творцов им есть чему у нас поучиться?*

– Мое мнение субъективно, но, думаю, многие понимают, что таких графических школ, как болгарская, украинская, белорусская, в Европе давно нет. У них проблемы с академическим образованием, потому ставка делается на развитые технологические возможности. Но ни один автомат не способен заменить руки художника. Другое дело, что европейцы не всегда понимают это. И уже наша задача – показывать собственные наработки, без стеснения говорить

о

них.

КНИГА ДЛЯ ПАПЫ И КОРОЛЕВЫ

– *Думаю, не ошибусь, если скажу, что одним из самых известных ваших проектов является выпуск книги «Песня о зубре» Миколы Гусовского. Что обусловило выбор материала?*

– Желание восстановить историческую справедливость: поэму Гусовский писал по заказу Папы Римского Льва X, но из-за его смерти работа так и не была опубликована в Италии. Через некоторое время «Песню о зубре» издала итальянка королева польская и великая княгиня литовская Бона Сфорца, правда, сделала это она в Кракове, и поэма так и не попала в Ватикан. Мне хотелось исправить ситуацию.

– *Для осуществления задуманного нужны были серьезные партнеры.*

– Да, одним из них стал итальянский печатник Джулиано Якомуччи. После того как он предложил сотрудничество, я сделал иллюстрации к поэме. Они впечатлили заинтересованные стороны, но, прежде чем дать старт проекту, итальянцы просчитали риски. Как оказалось позже, не все. В Италии «Песня о зубре» не привлекла внимания. У меня же наоборот все вышло удачно: книгу презентовали в Минске, а в скором времени министр иностранных дел Республики Беларусь Сергей Мартынов преподнес ее Папе Римскому Бенедикту XVI. Из Ватикана пришло благодарственное письмо. Интерес к «Песне о зубре» проявляют представители белорусского бизнеса. А в этом году книгу от нашего государства королеве Великобритании Елизавете II подарил Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Беларусь в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии Сергей Алейник.

– *Такое внимание к «Песне о зубре» пробудило желание организовать еще один схожий проект?*

– Пробудило. Сейчас с Джулиано Якомуччи работаем над проектом «Песнь песен царя Соломона». Поэму с блоком иллюстраций выпустим на итальянском и английском языках. К слову, первая – итальянская часть уже вышла, но с презентацией не тороплюсь. В феврале будет готов английский вариант, вот тогда можно будет думать о представлении «Песни» в Гродно и Минске.

МУЗА ДЛЯ ХУДОЖНИКА

– *Юрий Владимирович, художник-график – не простая профессия?*

– Не знаю (смеется). Я больше делать ничего не умею и не могу сравнить.

– *Вы легко расстаетесь с работами?*

– Скорее да, чем нет. В этом плане тяжелее живописцам, скульпторам, так как все их работы уникальны, выполняются в единственном экземпляре. У меня же с печатной формы может получиться несколько десятков оттисков. Конечно, бывают среди них более любимые, но это не повод держать работу при себе. Талантливых художников ведь во все времена было много. Но знаем мы лишь тех, чьи работы сохранились в музеях, у коллекционеров.

– *Из чего рождаются ваши гравюры?*

– Точек отсчета много. Вдохновить могут и фото, и кино, и статья, и книга. К тому же мы, художники, постоянно общаемся между собой, делимся идеями. Они вполне могут быть общими, но воплощенными разными способами и по итогу не похожими друг на друга.

– *Музы есть у каждого художника?*

– Не знаю. Можно было бы сказать, что для меня муза – жена Наталья, и тем доставить ей удовольствие (улыбается). Но честнее будет признать, что для мужчины любая красивая женщина – муза. Помню, однажды рано утром приехали с Владимиром Пантелеевым в Минск. Город был совершенно пустым, потому издали заметили статную девушку, которая шла нам навстречу и улыбалась. «Должно быть, она знает Володю», – думал я. «Это знакомая Юры», – как оказалось позже, был убежден Владимир. Когда поняли, что оба ни при чем, немало удивились улыбчивости девушки, но позитивным настроением она нас на весь день зарядила.

ВОСКРЕСЕНЬЕ - РАБОЧИЙ ДЕНЬ

– *Среди ваших друзей кого больше: школьных товарищей или коллег по творческому цеху*

– Скорее, вторых. Конечно, в детстве, юности мечталось, что с одноклассниками, однокурсниками всегда будем вместе. Но у времени свой взгляд на дружбу. Сначала оно перевело юношеских друзей в товарищей, потом в просто знакомых. Но рядом появились другие близкие по духу люди. В большинстве своем они старше меня по возрасту. Ценю друзей мудрых, знающих жизнь. Вроде и сам не дурак, а иногда бывает нужно услышать: не кипятись, просто успокойся и жди.

– *Свое золотое правило у Вас есть?*

– Да. Это слова Воланда, адресованные Маргарите, из романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»: «Никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами все дадут!».

– *При этом без чего не представляете жизни?*

– Без семьи, хотя женился довольно поздно. Мне было почти 29, а Наталье почти 30. Но это по паспорту. В душе супруга меня моложе на два года: ей всегда 18, а мне всегда 20. Так что в нашей ячейке общества я –

руководящее звено. Признаюсь честно, иногда хочется, чтобы домочадцы разъехались, посидеть спокойно, в тишине. Но когда такое случается, день-другой и начинаю тосковать. Не хватает общения и тапок, разбросанных по квартире.

А еще не представляю жизни без родителей. Было бы хорошо, чтобы они всегда были рядом.

– Предположу, что уделяете близким не столько времени, сколько им хотелось бы.

– Я хронический трудоголик. В прошлом году впервые отдыхали в литовском Друскининкае всей семьей. Жене и сыну с дочерью понравилось, а мне было тяжело. Вместо того, чтобы утром вскочить, быстро умыться, позавтракать и бежать в мастерскую, приходилось сидеть и ждать, пока все откроют глаза, соберутся, будут готовы пойти на прогулку или еще мудрее – по магазинам. Но я выдержал (смеется).

Много лет не уступаю и просьбам Натальи быть дома, если не в субботу, то хотя бы в воскресенье. Я честно еще в начале супружеской жизни сказал: «Извини, выходных у меня нет». Есть сроки, графики, я должен их выполнять. Ведь в том числе и из этого складывается репутация художника.